
Кризалис.
Объятия змея

Леся Василек

Кризалис. Объятия змея

«Автор»
2026

Василек Л.

Кризалис. Объятия змея / Л. Василек — «Автор», 2026

Поступая в Академию Кризалис, Алли Вей мечтала только об одном: не привлекать внимания, не снимать с запястий вышитые ленты и не выпускать наружу свою настоящую силу. Ведь на бумаге она — скромная ведьма третьей категории, а на деле — Дитя Звезды, способное поглощать чужую магию.План рушится в первую же неделю. Сначала её тайну раскрывает Лиск Арравен — наследник древнего змеиного рода, которому срочно нужна фиктивная невеста, чтобы отбиться от семейного брака. А затем в закрытом крыле Академии убивают первого друга Алли, и от его трёх теней остаётся только две. Теперь ей придётся научиться доверять тому, кого она считала врагом, и понять, кто и зачем охотится на чужие души в стенах замка.

© Василек Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ведьма третьей категории 5
Глава 2. Правила приличного общества 13
Глава 3. Разборки на пустом месте 23
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Леся Василек
Кризалис. Объятия змея

Глава 1. Ведьма третьей категории

— Если ворота попытаются вас съесть, барышня, вы главное не брыкайтесь. Они всё равно выплюнут.

Алли оторвала взгляд от плотного пергамента с приглашением и недоуменно моргнула. Над головой нависло тяжёлое свинцовое небо, а в воздухе пахло сыростью, прелой листвой и чем-то неуловимо едким, словно озоном после грозы.

Старик, привёзший её к Академии, уже по-хозяйски устраивался на облучке. Всё время пути Алли старательно делала вид, что её нисколько не смущает пустая упряжь впереди. Старалась не смотреть она и на то, как спицы колёс время от времени лениво проваливались в собственные тени, теряя очертания.

— Простите… что? — робко переспросила девушка, инстинктивно прижимая сумочку к груди.

— Говорю, не брыкайтесь, — старик неспешно почесал седую, свалявшуюся бороду. — В прошлом году один умник решил отбиваться огнём. Ворота обиделись малость, заперлись на засов и три дня его потом выкашливали. Всем факультетом отпаивали.

— Он… выжил? — голос Алли предательски дрогнул и сорвался на тихий писк.

— Диплом получил. А вот репутацию — нет. — Возница загадочно ухмыльнулся, хмыкнул в усы и звонко щёлкнул пустыми поводьями. Экипаж мягко тронулся, растворяясь в серой дымке тракта, а Алли осталась стоять посреди мощёной дороги со своим потёртым чемоданом, сумкой и очень скверным предчувствием.

Впрочем, это предчувствие липкой тенью преследовало её с того самого утра, когда в окно постучался сонный почтовый ворон с письмом о зачислении. Наставница тогда долго вертела в руках тяжёлую восковую печать, щурилась на свет, а потом вздохнула и сказала, что Кризалис — вполне достойный выбор. Если, конечно, внимательно читать правила в Уставе. Особенно те, что напечатаны самым мелким шрифтом в сносках.

Алли прочла. Дважды. На всякий случай.

Правило семнадцать строго запрещало принимать в дар изделия из человеческих костей без нотариально заверенной сопроводительной записки. Правило тридцать два обязывало сообщать в деканат о незапланированной смене биологического вида до начала следующей учебной недели. А правило шестьдесят один сухо утверждало, что поедание однокурсников является основанием для дисциплинарного взыскания — независимо от обоюдного согласия сторон.

Последнее показалось ей даже по-своему занятным.

Тяжело вздохнув, Алли подхватила ручку чемодана и подняла глаза.

Ворота Академии мрачной громадой возвышались между двумя остроконечными башнями, чьи шпили уходили в низкие тучи. Выкованные из чёрного, матового металла и увитые острыми стальными листьями, они выглядели как вполне честный вход в место, куда ни один человек в здравом уме не сунулся бы по доброй воле. Над массивными створками витиеватой серебряной вязью было выведено: «Природа не оправдывает поступков».

Чуть ниже, прямо по тёмному камню, кто-то старательно нацарапал гвоздём: «Но здорово выручает на экзаменах».

Уголки губ Алли невольно дрогнули в улыбке. И тут же замерли: один из стальных листьев на кованой решётке с тихим скрежетом повернулся, нацелившись острым, как бритва, кончиком ей прямо в переносицу.

— Документы, — пророкотал откуда-то сверху грубый, скрипучий голос, похожий на трение двух мельничных жерновов.

Девушка растерянно огляделась по сторонам. Площадь перед входом была совершенно пуста.

— Я с тобой разговариваю, ведьма. Не крути головой.

На левом каменном столбе медленно разлепился огромный мутный глаз. Следом, с противным хрустом осыпающейся штукатурки, прорезался широкий рот. А чуть выше, у самой капители, нехотя приоткрылся ещё один глаз — заметно меньше первого и явно косящий.

— А, здравствуйте. — Алли поспешно, путаясь в застёжках сумки, выудила слегка помятое письмо. — Я на первый курс.

— А жаль, — прогудел столб, смерив её оценивающим взглядом обоих глаз. — Хорошенькая. В былые времена таких хотя бы в жертву приносили, а теперь вот учить приходится. Никакой романтики. Имя?

— Алли Вей.

— Род?

— Ведьма.

— Я, слава богам, не слепой, вижу, что не кобыла. Какая линия?

Алли сильнее сжала край пергамента, так что костяшки пальцев побелели.

— Неизвестная. В бумагах указана самостоятельная магическая линия.

Столб недовольно захрустел, по каменной кладке пробежала мелкая дрожь.

— Ишь ты, самостоятельная. Раньше куда проще было: мать ведьма, бабка ведьма, прабабка в гневе сожгла соседнюю деревню — сразу видна порода. А нынче пошла молодёжь: то самостоятельные, то неопределённые… Дар?

— Слабый, — честно призналась девушка, чувствуя, как к щекам приливает предательский румянец.

— Насколько?

— Третья категория.

Оба глаза синхронно закатились к небу.

— Совсем измельчали. С такой категорией ты у меня даже сорняки из швов не выведешь.

— Зато я умею выращивать мяту, — выпалила Алли прежде, чем успела прикусить язык.

Над площадью повисла тяжёлая, звенящая пауза. Лишь ветер шелестел стальными листьями, издавая звук, подозрительно похожий на сдавленное хихиканье.

— Поздравляю, — наконец изрёк каменный страж. — Садовником и устроишься. Проходи давай, не загораживай проезд.

Стяжки замков лязгнули, и тяжёлые чёрные створки медленно распахнулись, впуская её в полумрак двора.

Алли крепче ухватилась за потёртую ручку чемодана, стараясь не оглядываться на обидчивый столб, но всё равно услышала за спиной скрипучее ворчание:

— И не вздумай мне тут сырость разводить под воротами! От девичьих слёз у меня ржавчина на петлях выступает!

— Я и не собиралась, — фыркнула себе под нос Алли, гордо вздёрнув подбородок.

Внезапно вспыхнувшая обида, как ни странно, разом вытеснила липкий страх, помогая расправить плечи.

За тяжёлыми створками открылся просторный внутренний двор. Величественные старинные корпуса из потемневшего от времени камня кольцом окружали вымощенную брусчаткой площадь. В самом её центре бил фонтан, но вместо привычной воды в его чаше тихо плес-

калось нечто густое, голубоватое и мягко светящееся изнутри, словно жидкий лунный свет. Стрельчатые высокие окна, ажурные стеклянные галереи, витые лестницы и узкие воздушные мостики, перекинутые между башнями, — Кризалис был красив до неприличия. Если бы не гигантская серебристая паутина, затянувшая арки южного крыла, и не замшелая мраморная горгулья, которая прямо на глазах Алли лениво переступила с лапы на лапу, Академию вполне можно было бы принять за элитный университет с весьма эксцентричным архитектором.

Вдоль ухоженной дорожки неспешно прогуливались две девушки, оживлённо о чём-то щебеча. У одной из-за плеч то и дело выглядывали сложенные перепончатые крылья, а у второй иссиня-чёрные локоны жили собственной жизнью — лениво шевелились и переплетались, точно клубок сонных змей. Неподалёку трое парней увлечённо о чём-то спорили; один из них в пылу аргументов сердито хлестал себя длинным чешуйчатым хвостом по бокам, выбивая глухую дробь о каменные плиты. А на широком подоконнике второго этажа, свесив босые ноги, сидела хрупкая, почти прозрачная фигурка в белом и сосредоточенно расчёсывала костяным гребнем пепельные волосы, струившиеся водопадом до самой земли.

Алли поспешно опустила взгляд на брусчатку.

Смотреть на это великолепие было жутко интересно. Чувствовать — невыносимо.

Чужая магия теснилась вокруг плотным, гудящим коконом, словно толпа в час пик в переполненном вагоне. От светящегося фонтана веяло колкой ледяной прохладой, от восточной башни тянуло сухим, обжигающим жаром песков, а от пролетевшей над самой головой гарпии остался острый, почти электрический привкус озона на языке. Ни один из этих потоков не касался Алли напрямую, но её собственное тело уже инстинктивно сжалось, насторожилось, готовое в любую секунду отразить удар.

Девушка незаметно потёрла ноющее запястье под длинным, глухо застёгнутым рукавом.

Не отвечать. Не тянуться навстречу. Дышать ровно.

— Эй! Новенькая!

Алли вздрогнула так, что чемодан глухо стукнулся о её голень.

Возле парапета фонтана, небрежно прислонившись к холодному камню, стоял молодой мужчина в белоснежной рубашке с закатанными до локтей рукавами. Высокий, широкоплечий, с растрёпанными тёмными волосами и живыми, смеющимися глазами. На первый взгляд — самый обычный парень, каких полно в любом городе. Разве что рядом с ним по светлой брусчатке тянулись сразу три чёткие чёрные тени, хотя тусклое солнце над головой было всего одно.

Алли постаралась отвести взгляд, чтобы не пялиться откровенно.

— Ты потерялась? — дружелюбно окликнул он, делая шаг навстречу.

— Пока нет, — осторожно отозвалась девушка, поправляя лямку сумки на плече.

— Это легко поправить. Здесь даже деканы факультетов иногда блуждают до ужина. Тебе куда?

— В приёмную комиссию.

— Тогда точно потеряешься, как пить дать. — Парень подошёл вплотную, с лёгкостью подхватил её тяжёлый чемодан одной рукой и широко улыбнулся: — Кайр. Третий курс, факультет пограничной магии. Не тушуйся, я почти ручной.

— Алли. Первый курс.

— Да ладно? — он картинно приподнял бровь. — А я уж решил, тебя на замену преподавателю некромантии прислали. Уж больно вид суровый.

Алли молча смерила его долгим, нечитаемым взглядом.

Кайр усмехнулся и шутливо поднял свободную руку, сдаваясь:

— Ладно, ладно, шутка не зашла. Попробуем зайти с другой стороны. Алли, добро пожаловать в Кризалис. Главное правило выживания: если кто-нибудь попытается тебя укусить,

сначала вежливо уточни, на каком основании. Без письменного согласия у нас нельзя, Устав строго запрещает.

— Весьма утешительно, — сухо заметила она.

— Ага. Правда, читать этот талмуд до конца никто не любит, так что на всякий случай держи ухо востро.

Он развернулся и бодрым шагом направился к широкому крыльцу главного корпуса, и Алли пришлось чуть ли не бежать вприпрыжку, чтобы не отставать от его размашистой походки.

— Можно вопрос? — осторожно подала она голос, когда они поравнялись с цветущей живой изгородью.

— Даже два. Сегодня у меня редкий приступ альтруизма.

— У тебя три тени.

Кайр на миг замер и обернулся, скептически глянув себе под ноги. Две тени послушно застыли, а третья упрямо продолжала приплясывать на месте.

— Чёрт побери. Опять младшая лезет вперёд батьки в пекло.

Крайняя тень возмущённо дёрнулась, словно ей дали невидимый подзатыльник, и поспешно спряталась за спину хозяина.

Алли на ходу споткнулась о собственную ногу, едва не выронив сумку.

— Младшая?..

— Я потомок цербера, — пояснил Кайр как ни в чём не бывало, поправляя перехваченный чемодан. — До трёх голов пока не дорос, слава богам — только до трёх характеров. — Он слегка наклонился к ней и доверительно понизил голос: — По секрету: два из них совершенно невыносимые. Только никому ни слова, что я признался.

Алли неожиданно для самой себя рассмеялась. Смех вырвался коротким, слегка нервным и неуверенным — но совершенно живым и настоящим.

Кайр довольно кивнул, словно выполнил важную миссию.

— Вот, другое дело. А то стояла у ворот с таким лицом, будто тебе сейчас смертный приговор зачитывать будут.

«Примерно так я себя и чувствовала», — мысленно согласилась Алли, но вслух говорить, разумеется, не стала.

В просторном гулком холле главного корпуса царил привычный для начала учебного года хаос. Одни студенты с грохотом тащили по мраморным ступеням окованные железом сундуки, другие жарко спорили у доски объявлений из-за накладок в расписании, третьи громко здоровались после летних каникул. У парадной лестницы две запыхавшиеся ведьмы в остроконечных шляпах тщетно пытались уговорить огромного мохнатого паука спуститься с хрустальной люстры. Паук раздражённо шевелил жвалами, требовал письменных извинений за утреннее оскорбление и спускаться наотрез отказывался.

За длинной дубовой стойкой регистрации восседала женщина с волосами, убранными в настолько тугой и безупречно гладкий пучок, что, казалось, от него можно было порезаться. Лицо её дышало таким ледяным, непробиваемым спокойствием, что даже местные вампиры со своим раздутым самомнением переходили перед ней на почтительный шёпот.

— Имя, — отчеканила она, даже не подняв глаз от бумаг.

— Алли Вей.

Гусиное перо в её тонких пальцах на секунду замерло над чернильницей.

— Вей. Так-так… — женщина с глухим стуком раскрыла тяжёлый фолиант в кожаном переплёте и быстро пробежала взглядом по строчкам. — Двадцать два года. Неустановленная наследственная линия. Ведьмовской дар третьей категории. Личная рекомендация частного наставника. Обучение на общих основаниях. Всё верно?

— Да.

— Сведения о родителях в деле отсутствуют.

Алли кожей почувствовала тяжёлый, любопытный взгляд стоявшего в очереди позади неё студента, но заставила себя не дёрнуться.

— Верно.

— Хорошо. — Секретарь сухо шелестнула плотной страницей. — На вступительной диагностике подтверждён минимальный уровень практической магии. Ваша специализация будет определена в конце первого семестра, если к тому времени проявится. Если нет — автоматически переведётесь на теоретический профиль.

Это прозвучало без малейшей тени презрения или снисходительности — ровно так же, как сводка погоды на завтра. Секретарь, судя по всему, искренне не считала слабый магический дар поводом для душевных терзаний.

У Алли словно камень с плеч свалился. Дышать сразу стало легче.

— Комната триста семнадцать, северное крыло, — продолжила женщина тем же ровным, монотонным тоном, протягивая ей тяжёлый медный ключ с биркой. — Расписание и подробную карту кампуса получите в деканате завтра с утра. Медицинский осмотр обязателен в течение первой недели. И последнее: в случае непредвиденного физического превращения немедленно обратитесь к дежурному куратору до того, как начнёте портить казённое имущество.

— Я не превращаюсь.

— Все так говорят в первый день, — невозмутимо ответила регистраторша. — Следующий.

Кайр тут же деликатно подхватил чемодан за край ручки, словно интуитивно понял, что прикасаться к самой девушке сейчас лишний раз не стоит.

— Пошли, ведьмочка. Покажу дорогу до северного крыла, пока тебя не съели.

— Спасибо. Но… я вполне могу донести вещи сама.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся он, легко шагая рядом. — Но у меня три характера, и все трое сегодня единогласно проголосовали за режим джентльмена. Лучше не спорь, пока двое из них не передумали.

По дороге по бесконечным гулким коридорам он успел вкратце объяснить, где находится студенческая столовая, почему категорически не стоит заводить светские беседы с портретами после полуночи и зачем под самым потолком на каждом углу висят маленькие бронзовые колокольчики.

— Если хоть один зазвонит сам по себе, без сквозняка — разворачивайся и уходи в другую сторону, — наставительно предупредил Кайр.

— Почему?

— Потому что я в прошлом году уже проверил. Итог: неделя постельного режима, два болезненных укола очищенным серебром и целый месяц едких насмешек от одногруппников.

— И что же там было? — не удержалась от любопытства Алли.

— Девушка, — театрально вздохнул Кайр, прижав руку к сердцу. — Неземной красоты. И, как выяснилось, очень голодная.

— Ты меня специально пугаешь.

— Вовсе нет, это я тебя максимально мягко ввожу в курс дела.

Он тепло, открыто улыбался, и Алли сама не заметила, как её пальцы наконец разжались, перестав до боли впиваться в кожаный ремешок сумки.

Возле массивной дубовой двери с потемневшей от времени медной табличкой «317» Кайр бережно опустил чемодан на каменный пол.

— Ну вот, прибыли. — Он выпрямился, потирая затёкшую шею. — Если что понадобится, ищи меня возле караульного зала или в столовой. Я, как правило, обретаюсь где-то между этими двумя стратегическими точками.

— А в библиотеке? — с лёгкой улыбкой уточнила Алли.

— Тоже бываю, не скрою. Но исключительно в тех редких случаях, когда жизненно необходимо скрыться от гнева преподавателей.

— Спасибо тебе, Кайр. Правда, очень выручил.

На миг с лица парня сошла привычная беспечная улыбка. Взгляд тёмных глаз стал неожиданно серьёзным и внимательным.

— Послушай, Алли. Здесь полно языкастых болтунов, которые задирают кого ни попадя просто от скуки, но далеко не все желают тебе зла. Однако, если кто-нибудь начнёт лезть всерьёз — не молчи и не терпи. Договорились?

Девушка медленно кивнула, чувствуя, как к горлу подступает непривычное тепло от чужой заботы.

— Обещаю.

— Вот и славно, — Кайр снова улыбнулся, шутливо отсалютовал двумя пальцами от виска и лёгкой, пружинистой походкой направился обратно к винтовой лестнице.

Одна из его теней на секунду отстала, задержавшись на пороге коридора, словно с любопытством оглянулась на новенькую. А потом спохватилась и скользнула следом, догоняя остальные.

Алли ещё долго смотрела на пустую лестничную площадку, прислушиваясь к затихающим шагам.

«Не молчи» — отличный, правильный совет.

Жаль только, выполнить его на деле окажется куда сложнее, чем Кайр мог себе представить.

Тяжёлая дверь комнаты распахнулась сразу после второго негромкого стука, едва не задев Алли по носу.

— Если это опять ты, Борис, клянусь всеми духами ночи, я пришью тебе твой собственный хвост прямо на лоб! — раздался звонкий, возмущённый голос.

Алли замерла на пороге, ошарашенно уставившись на девушку, которая… висела вниз головой, зацепившись ногами за верхнюю перекладину деревянной кровати. У неё была копна непослушных медно-рыжих волос, забавно торчащие острые ушки и огромные, блестящие тёмные глаза. А между локтем и боком, словно тонкий плащ, полураскрылось что-то гладкое, тёмное, до боли похожее на кожистое перепончатое крыло.

— Я не Борис, — осторожно сообщила Алли, на всякий случай сделав полшага назад.

— О! — Девушка грациозно перевернулась в воздухе и бесшумно, словно кошка, спрыгнула на половицы. — Новенькая! Вот это отлично. Я Мира. А Борис — это наш неугомонный сосед с нижнего этажа. Если вдруг принесёт тебе домашний пирог — ни в коем случае не ешь. Он пытается вывести разумную разновидность плесени, которая сможет выполнять за него домашние задания.

— А пирог-то тут при чём? — искренне не поняла Алли.

— Пока сама не знаю, — философски пожала плечами Мира. — Именно поэтому и не ешь. Проходи давай, не стой на сквозняке!

Она гостеприимно отступила в сторону, пропуская соседку внутрь.

Комната оказалась на удивление уютной и светлой: две добротные деревянные кровати, два массивных письменных стола, высокий платяной шкаф в углу и широкое стрельчатое окно с видом на внутренний двор. На левой половине царил живописный, деятельный хаос из раскрытых фолиантов, разбросанных свитеров, глиняных горшков с какими-то колючими растениями и разноцветных склянок. Правая же оставалась стерильно пустой, пахнущей свежим деревом и крахмалом.

— Выбирай кровать у окна, там вид отличный, — щебетала Мира, мимоходом запихивая стопку тетрадей под подушку. — Я ночью иногда по привычке забираюсь спать на шкаф, но обещаю, что постараюсь не шуметь. Если вдруг начну кричать во сне — просто ткни в меня

подушкой, чтобы разбудить. И, пожалуйста, не пугайся, если я спросонья забуду принять полностью человеческий облик после душа.

— Хорошо, учту, — улыбнулась Алли, вкатывая чемодан к своей половине.

— А ты кто по крови? В смысле, какой род?

— Ведьма.

— Да ладно! Отлично! Я тоже ведьма по материнской линии. А вот по отцовской — нетопырь. Смешное сочетание, сама знаю, но в тёмное время суток жутко удобно. Дар у тебя какой?

— Слабый, — честно призналась Алли, расстёгивая ремни на чемодане. — Третья категория.

Мира даже глазом не моргнула, ничуть не впечатлившись этим признанием.

— Ну и что с того? Зато, глядишь, в алхимической лаборатории ничего на воздух не поднимешь. У нас в прошлом семестре одна девица с первой категорией так перестаралась с заклинанием очистки воды, что из всех кранов в крыле две недели лился горячий суп.

— Какой суп? — не удержалась Алли.

— Грибной. Фу, терпеть не могу грибы, до сих пор воротит.

Алли снова тихо рассмеялась.

Она готовилась к чему угодно: к въедливым расспросам о родителях, к надменным проверкам магических способностей, к косым, презрительным взглядам. Вместо этого судьба подкинула ей соседку, которая вполне всерьёз переживала из-за грибного супа в академском водопроводе.

Возможно, она и впрямь напрасно так боялась Кризалиса.

— Давай знакомиться по-человечески. — Мира широко улыбнулась и открыто протянула руку для пожатия.

Алли непроизвольно, чисто рефлекторно отступила на шаг назад, прижав локти к бокам.

Мира замерла на месте. Она перевела взгляд с собственной протянутой ладони на бледное, напряжённое лицо новенькой — и всё поняла без лишних слов.

— Не любишь прикосновения? — мягко догадалась соседка.

— Не очень, — тихо выдавила Алли, опуская глаза.

— Бывает, у каждого свои тараканы. — Девушка спокойно опустила руку, ни капли не обидевшись. — Можешь ничего не объяснять, я не из любопытных.

Это прозвучало настолько просто, буднично и без малейшего осуждения, что Алли вдруг стало остро стыдно за собственную вспышку недоверия.

— Спасибо тебе.

— Да не за что. Только одно маленькое условие: если мне вдруг станет дурно после ночной практики, можешь смело трясти меня за плечи. Официально разрешаю.

— А если плохо станет мне?

— Тогда я сначала вежливо спрошу, можно ли тебя трогать, — Мира озорно подмигнула. — Видишь? Считай, уже сработались.

До самого вечера девушки успели разобрать вещи, сбегать на ужин в шумную столовую и обсудить целый свод негласных академских законов. Алли с удивлением узнала, что мёртвых в стенах Кризалиса категорически не принято называть мёртвыми до получения официальной справки из лазарета; что старые библиотечные фолианты могут запросто превратить читателя в жабу исключительно под настроение; и что у Миры существует собственный чёрный список студентов, от которых жизненно необходимо держаться подальше.

— Ты их прямо записываешь? — удивилась Алли, устраиваясь на застеленной кровати.

— Разумеется. Память у меня отличная, спору нет, но потенциальные неприятности лучше держать в строгой системе.

— И много там уже имён?

Мира задумчиво наморщила носик, прикидывая в уме.

— Сорок два. Хотя пятеро, слава богам, уже выпустились этой весной. Так что в остатке всего тридцать семь. Не так уж и страшно.

Алли молча оглядела их маленькую уютную комнату и благоразумно решила пока не уточнять, сколько же всего студентов учится в Академии.

Когда за окном окончательно сгустились синие сумерки, Алли осталась в комнате одна: Мира убежала в библиотеку за учебниками на завтра, пообещав вернуться строго до отбоя. Проводив соседку взглядом, Алли аккуратно провернула ключ в замке, опустилась на край кровати и медленно, с опаской расстегнула тугую пуговицу на левой манжете.

На бледной коже внутренней стороны запястья проступала тонкая, едва заметная серебристая линия. При обычном дневном свете её почти невозможно было разглядеть. Но сейчас, после целого дня, проведённого в плотном коконе чужой бурлящей магии, линия пульсировала и неровно светилась изнутри, словно глубокая трещина на тонком льду.

Алли судорожно прижала к ней подушечку большого пальца, пытаясь унять жжение.

— Только не сейчас, пожалуйста… — едва слышно прошептала она в пустоту комнаты.

Серебристое свечение гасло мучительно медленно.

Острая, тянущая боль нехотя отступила вверх к локтю и наконец стихла, но сердце ещё долго заходилось в груди частым, сбивчивым стуком. Переведя дух, Алли достала со дна сумки маленькую потёртую жестяную коробочку, щёлкнула крышкой и бережно вынула узкую тканевую ленту с вышитым старинным орнаментом. Привычным, отточенным движением она туго затянула её на запястье в три плотных оборота.

Так становилось заметно легче. Ненамного, конечно, но вполне достаточно, чтобы не расплакаться от собственного бессилия.

Сквозь приоткрытое окно в комнату доносился приглушённый вечерний гул двора. Кто-то заразительно смеялся у фонтана. Где-то в соседней башне негромко перебирали струны лютни.

Алли перевела взгляд на соседнюю, заваленную вещами кровать Миры. Вспомнила, с какой лёгкостью и теплом та приняла все её странности. Посмотрела на свой чемодан с аккуратно разложенными на полках вещами.

«Пожалуйста, — молча взмолилась она. — Пусть хотя бы здесь всё получится».

В ту же секунду за тонкой стеной в соседней комнате грянул оглушительный хохот, следом раздался звон бьющегося стекла, глухой грохот чего-то тяжёлого и чей-то бодрый, ничуть не смущённый голос:

— Да не умер он! Успокойтесь, он просто восстанавливается!

Алли прикрыла глаза и тяжело, обречённо вздохнула.

Пожалуй, загадывать желания стоило куда более конкретно.

Глава 2. Правила приличного общества

На самой первой лекции Алли усвоила простую истину: в стенах Академии абсолютно любое существо может оказаться смертельно опасным.

На второй — что подавляющее большинство этих опасных существ искренне не видит в этом ничего предосудительного.

На третьей же преподавательница попыталась было объяснить тонкую грань между намеренным причинением вреда и досадным несчастным случаем, но вынуждена была прервать объяснение на полуслове, потому что студент с массивным вороньим клювом и всклокоченными серыми крыльями со смачным щелчком укусил за ухо своего соседа.

— Я не нарочно, оно само! — тут же возмутился пернатый, виновато подбирая перья.

— Стало быть, это несчастный случай, — с ледяным невозмутимым спокойствием отрезала преподавательница, даже не моргнув. — Грач, это уже второй раз за утро. Ещё одна подобная выходка — и отправитесь на внеочередную практику по самоконтролю лично к доктору Хольту.

Грач мгновенно побледнел. Показалось, что даже его тёмный клюв заметно посерел и пошёл пятнами.

— Всё, я больше не буду, клянусь!

— Вот видите, господа студенты. — Преподавательница обвела взглядом аудиторию. — Своевременная угроза соразмерного наказания — тоже весьма действенный метод воспитания.

Алли старательно вывела эту фразу в своей тетради, аккуратно обведя её в рамочку. Вдруг и впрямь пригодится?

Ведьмовство в Кризалисе преподавали абсолютно наравне с прикладной некромантией, оборотничеством и закрытыми родовыми дисциплинами. Для зелёных первокурсников существовал общий базовый курс: основы безопасного использования магии, история межвидовых договоров, физическая адаптация, практическая защита и загадочная «теория межвидовых конфликтов». Последнее название в расписании вызывало у Алли смутную тревогу. Особенно после того, как Мира за завтраком буднично сообщила, что в прошлом семестре зачёт по этому предмету принимали прямо в разгар стихийной драки в студенческой столовой.

— Да не переживай ты так, — махнула рукой соседка, намазывая джем на тост. — Там оценивали исключительно чистоту техники. За разбитую посуду и опрокинутые столы баллы не снимали.

В просторной амфитеатральной аудитории собралось человек тридцать. Почти все — вполне взрослые, сформировавшиеся личности, хотя некоторые с виду казались едва ли старше подростков. У стрельчатого окна, подперев щёку, сидела бледная девушка с полупрозрачными, словно ледяными кончиками пальцев. Крепкий парень в первом ряду то и дело нервно поправлял высокий воротник, пытаясь спрятать под ним пульсирующие чёрные жабры. А высокий, статный юноша с витыми серебряными рогами так отчаянно пытался успеть за диктовкой, что чернила в его чернильнице недовольно шипели и пускали едкий сизый дымок.

Алли предусмотрительно выбрала самое неприметное место у дальней стены. Не слишком близко к беспокойным соседям и достаточно далеко от кафедры, чтобы никому не пришло в голову вызывать её для демонстрации способностей.

Очень скоро выяснилось, что эта стратегия была роковой ошибкой.

— Алли Вей, — негромко произнесла преподавательница, скользнув взглядом по списку группы. — Пройдите, пожалуйста, ко мне.

Алли выпрямилась в струнку, словно проглотила аршин.

— Зачем? — испуганно пискнула девушка прежде, чем успела себя остановить.

— Весьма резонный вопрос. Желаете сначала детально выяснить, по каким критериям я выставляю оценки в ведомость, или всё же перейдём сразу к практике? — с лёгкой, кошачьей насмешкой поинтересовалась преподавательница.

По рядам прокатился сдавленный смешок, и Алли, чувствуя, как к ушам и щекам приливает предательский жар, неловко поднялась из-за парты.

Их наставница, госпожа Юстина, выглядела как высокая, статная женщина с пронзительными янтарными глазами и густыми тёмными волосами, собранными на затылке в строгий тугой узел. Лишь приглядевшись, можно было заметить, что вместо привычной кожи на её открытой шее и запястьях виднеются тонкие, изящные прожилки живой древесной коры. А стоило ей сделать шаг, как в воздухе разливался свежий, чуть терпкий аромат осенней яблочной листвы.

— Не робейте так, студентка Вей. Взрывать сегодня никого не планируем, — мягче добавила Юстина, водружая на край кафедры идеальный прозрачный шар размером с мужской кулак. — Это обычный измеритель направленной силы. Простейший базовый инструмент. Покажите мне минимальный магический импульс. Как умеете.

Алли заворожённо смотрела на холодное стекло.

Сделать это было до смешного легко. И именно поэтому — до дрожи в коленях страшно было ошибиться.

Она умела едва заметным усилием заставлять трепетное пламя свечи послушно наклоняться в нужную сторону. Умела удержать на поверхности воды упавший кленовый лист, когда тот уже почти намок и готов был пойти ко дну. Могла вызвать крошечное, почти неощутимое дуновение тёплого воздуха. Но всё это получалось лишь тогда, когда она пропускала свою силу сквозь защитные вышитые ленты на запястьях и намертво закрывалась от магии окружающего мира.

А этот проклятый измеритель стоял прямо на столе госпожи Юстины, насквозь пропитанный, перенасыщенный чужой бурлящей энергией десятков других студентов. Стеклянная сфера словно гудела, предлагая ей сразу сотню чужих, пугающе мощных ответов на выбор.

— Ну же, смелее, — подбодрила преподавательница, чуть склонив голову набок. — Я не жду от вас чудес.

Алли глубоко вздохнула, мысленно выстраивая внутри привычную глухую стену, и медленно подняла руку. Осторожно, едва дыша, она коснулась прохладной поверхности шара кончиками пальцев.

В самой глубине мутноватого стекла на миг вспыхнула тоненькая, трепетная золотистая искра — крошечная, словно огонёк светлячка в сумерках.

— Достаточно, — кивнула Юстина.

Алли торопливо, словно обжёгшись, отдёрнула ладонь и спрятала руку в складках юбки.

Золотая искра тут же погасла.

— Минимальная третья категория. Очень слабый, но на редкость устойчивый импульс. — Преподавательница с тихим скрипом пера сделала пометку в журнале. — Контролировать поток вы умеете. Для первого дня это уже неплохо. Можете возвращаться на место.

У Алли словно гора с плеч свалилась. Дышать сразу стало свободнее.

Но не успела она сделать и двух шагов от кафедры, как с самой задней парты донёсся ленивый, насмешливый мужской басок:

— Мою столетнюю бабушку примерно так же будили, когда она после сытного обеда в кресле засыпала.

По аудитории снова пробежал сдержанный смех. Алли низко опустила голову, уставившись в деревянные половицы и мечтая провалиться сквозь землю.

— Тебя тоже так разбудить? — мгновенно, без малейшей паузы осведомилась Мира, резко обернувшись назад и сверкнув тёмными глазами. — Могу прямо сейчас организовать, без отрыва от лекции.

— Мирелла, — предостерегающе произнесла Юстина, постучав костяшками пальцев по столу.

— Прошу прощения, госпожа Юстина, — невинным тоном отозвалась соседка. — Просто уточняю прикладные бытовые возможности дара своей одногруппницы. Вдруг в хозяйстве пригодится.

По рядам прокатился уже громкий, искренний хохот. Только теперь смеялись явно не над Алли.

Девушка поспешно скользнула обратно на своё место у стены и осторожно, едва заметно коснулась кончиками пальцев локтя Миры, стараясь не нарушать личных границ.

— Спасибо, — одними губами шепнула она.

— Да брось, не за что, — так же тихо, с озорной усмешкой отозвалась соседка, не отрывая взгляда от тетради. — У нас с тобой теперь одна комната на двоих, один учебный кабинет, один преподаватель и одна общая головная боль на весь семестр. Привыкай.

К концу первого учебного дня Алли вымоталась так, словно с самого рассвета без передышки таскала в гору тяжёлые камни.

И дело было вовсе не в учёбе — выматывало непрерывное, звенящее напряжение. За каждым поворотом коридора она кожей чувствовала чьё-то чужое, давящее присутствие. Одни существа излучали силу, похожую на обжигающий жар раскалённой печи. От других тянуло сырой речной водой, прелой землёй или солоноватым привкусом свежей крови. Третьи же не ощущались вовсе, оставляя после себя пугающую, звенящую пустоту — и от этого становилось тяжелее всего.

Ведьмы в её прежнем, тихом окружении обращались с силой бережно и осмотрительно: восковые свечи, травяные отвары, мелом очерченные защитные круги. Здесь же всё было иначе. Огромный рыжий парень мог, заразительно рассмеявшись, случайно поджечь собственный рукав, а хрупкая девушка с волосами цвета морской волны — всерьёз обидеться и за пару секунд затопить целый лестничный пролёт.

Защитные ленты под тугими манжетами Алли неприятно нагрелись и теперь ощутимо, до боли подпекали кожу, предупреждая о перегрузке.

Едва прозвенел колокол на большую перемену, она поспешно свернула в тихую боковую галерею, подальше от шумной и душной столовой. Здесь стояли высокие стрельчатые окна, выходившие в заросший осенний сад, и несколько старых дубовых скамеек вдоль стен. Алли обессиленно опустилась на одну из них, прикрыла веки и прислонилась горящим затылком к спасительной прохладе камня.

— Плохо?

Голос прозвучал совсем рядом — незнакомый, негромкий. Мужской. Удивительно спокойный и ровный.

Алли резко распахнула глаза.

Прямо перед ней стоял высокий молодой человек в строгом тёмно-синем камзоле без единого лишнего украшения. Смоляные волосы были гладко зачёсаны назад, смуглое лицо поражало точеной, почти скульптурной правильностью черт, а на левом запястье поверх манжеты виднелась аккуратная, узкая полоса льняного бинта. Чуть выше тугого воротника, на коже шеи, едва заметно проступали тонкие чёрные вязи каких-то знаков.

Она уже видела его утром у парадной лестницы — тогда несколько старшекурсников почтительно расступились, уступая ему дорогу, а кто-то позади неё благоговейным шёпотом произнёс это имя.

Нидхар.

Один из тех самых, кого Мира настоятельно советовала обходить стороной по самой широкой дуге.

— Нет, спасибо, всё в порядке, — поспешно выдохнула Алли и рывком попыталась подняться.

В ту же секунду перед глазами потемнело, словно на мир накинули чёрное покрывало. Дубовая скамейка предательски качнулась и уплыла куда-то вбок, а перед взором мелькнули клочок серого неба за стеклом и острый угол каменного подоконника.

Нидхар успел перехватить её в последнее мгновение — но, к огромному облегчению Алли, не за голую кисть, а бережно под локоть, сквозь плотную ткань рукава. Он поддержал её ровно столько, сколько потребовалось, чтобы она удержала равновесие и не ударилась виском о камень, и тут же разжал пальцы, отступив на полшага.

— Простите, — негромко произнёс он. — Не хотел вас напугать.

— Я не… — Алли тяжело опустилась обратно на скамью, переводя дыхание. — Спасибо. Просто немного устала с непривычки.

— Прекрасно понимаю. Первые дни в этих стенах всегда даются тяжело.

Он не стал усаживаться рядом без спроса. Не заглядывал навязчиво ей в лицо и, что было особенно приятно, не требовал немедленно отчитаться о самочувствии. Просто стоял неподалёку, сложив руки за спиной и глядя в окно.

— Вы учитесь здесь давно? — спросила она, чувствуя, что затянувшееся молчание начинает казаться невежливым.

— Четвёртый курс. Кафедра исторической и погребальной магии.

— Погребальной? — переспросила Алли, невольно вздрогнув.

— Звучит куда мрачнее и веселее, чем оказывается на практике. — В уголках его губ мелькнула сдержанная, чуть сухая улыбка. — Обычно нас заставляют часами переписывать ветхие древние тексты и бдительно следить, чтобы их авторы не проснулись смертельно обиженными, если ты вдруг ошибся в какой-нибудь гласной.

Алли непроизвольно скосила взгляд на его забинтованное запястье.

Нидхар тут же перехватил этот взгляд и снова едва заметно улыбнулся.

— Спрашивайте, если любопытно, я вовсе не против.

— Я не хотела показаться бестактной…

— Вы просто пытаетесь угадать, что именно скрывается под повязкой. Обычно новички первым делом интересуются, не отвалится ли у меня рука, если её размотать.

— А отвалится? — тихо спросила она.

— Сегодня — вряд ли.

Алли не удержалась и коротко, робко улыбнулась.

Нидхар чуть склонил голову набок, внимательно разглядывая её.

— Вот и славно. С улыбкой вам определённо идёт больше. Впрочем, вы вовсе не обязаны улыбаться, если сейчас не хочется.

Странная вышла фраза. Сначала она прозвучала как лёгкий, светский комплимент, а секунду спустя — словно он сам себя поправил, вовремя уловив, как напряглась собеседница.

Алли осторожно взглянула на него снова.

— Вы ведь Нидхар?

— Виновен, есть такое.

— Мира… моя соседка по комнате вас упоминала.

— Искренне надеюсь, что не слишком лестно.

— Сказала, что вас лучше обходить стороной.

Нидхар рассмеялся — негромко, грудным, удивительно приятным смехом, без тени злобы.

— Мудрая девушка. Советую к ней прислушаться.

Говорил он легко, почти шутливо, но тёмные глаза его при этом оставались абсолютно серьёзными.

— Почему? — неожиданно для самой себя спросила Алли.

— Что — «почему»?

— Почему вас лучше обходить?

Нидхар выдержал короткую паузу, глядя куда-то поверх её плеча.

— Потому что у каждого из нас внутри есть вещи, которые он не может безопасно предложить другому. У меня таких вещей накопилось слишком много.

— Кажется, я понимаю, о чём вы, — тихо отозвалась девушка, невольно коснувшись рукой своего забинтованного под рукавом запястья.

— Не уверен, что вам действительно стоит это понимать. — Он кивнул в сторону невысокой арочной двери в самом конце галереи. — Вам ведь нужно в столовую? Через этот переход доберётесь вдвое быстрее. В часы больших перемен там почти никого не бывает, в отличие от главного коридора.

— Спасибо за подсказку.

— Не за что, Алли.

Она вздрогнула, вскинув голову.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Всех первокурсников зачитывали в списках сегодня утром на общем сборе, — Нидхар чуть приподнял тёмную бровь. — А вы единственная среди них, кто выглядит так, словно при первой же удобной возможности сбежит обратно домой.

Алли опустила взгляд на свои сложенные на коленях руки.

— Дома тоже не слишком хорошо.

Слова вырвались сами, прежде чем она успела их остановить.

Нидхар не стал допытываться о причинах и лезть в душу. Он просто молча отступил на шаг к высокому окну, давая ей пространство.

— В таком случае, возможно, вам стоит дать этому месту хотя бы один шанс.

Немного помолчав, глядя на падающие за стеклом жёлтые листья, он негромко добавил:

— И не позволяйте тем, кто привык самоутверждаться в показательных драках, окончательно испортить вам впечатление. В Кризалисе хватает людей, с которыми вполне приятно и безопасно общаться.

— Очень на это надеюсь.

— Я тоже.

В ту же секунду из дальнего конца главного коридора донёсся оглушительный грохот, звон разбитого витража и чей-то яростный, сорванный вопль на весь этаж:

— Я тебе нормальным языком сказал, убери от меня свою дохлую дрянь!

Нидхар медленно, обречённо прикрыл глаза.

— Надо же. Стоило только вспомнить.

Алли мгновенно насторожилась, вжавшись спиной в стену.

— Это… по поводу очередной драки?

— Скорее, по поводу катастрофического отсутствия воспитания. — Он снова выпрямился, возвращая себе прежнюю невозмутимость. — Простите, Алли, но мне, кажется, пора вмешаться.

Развернувшись, он быстрым, бесшумным шагом направился к выходу, так ни разу к ней и не прикоснувшись.

И эта тонкая, деликатная предусмотрительность запомнилась ей куда сильнее его безупречного, красивого лица.

— Ты с самим Нидхаром разговаривала?!

Мира так резко замерла с ложкой на полпути ко рту, что едва не выронила её прямо в тарелку с супом, подняв целый фонтан золотистых брызг.

— Ну… совсем немного, — осторожно ответила Алли, невольно оглядываясь по сторонам в шумном зале столовой.

— Ты что, сама к нему подошла?! — шёпотом, полным священного ужаса, выдохнула соседка.

— Нет. Он сам подошёл. Я просто сидела в боковой галерее, отдыхала.

— И чего ему понадобилось? — Мира подозрительно подалась вперёд, едва не задев подбородком край салатника.

— Просто спросил, хорошо ли я себя чувствую.

Рыжеволосая ведьма недоверчиво прищурилась, изучая лицо Алли так пристально, словно искала на нём следы приворота или тайного проклятия.

— Серьёзно? И всё?

— А что тут такого странного?

— Да ничего особенного, — фыркнула Мира. — Просто Нидхар в принципе не заводит светских бесед с первокурсницами из чистой вежливости. Он вообще мало с кем разговаривает без веской причины. А когда он начинает любезно улыбаться, окружающие обычно бегут к нотариусу проверять свои завещания.

— Почему? — нахмурилась Алли.

— Потому что он не просто так засел на кафедре погребальной магии, — понизила голос Мира, оглядываясь на соседние столы. — Он сам — настоящая проклятая мумия. Без шуток! Из древнего рода самого Рамзеса, представляешь? Когда-то давно его предков захоронили с нарушением какого-то жуткого ритуала, и теперь они живут, умирают и возвращаются обратно с каждым разом всё менее охотно. Хотя по самому Нидхару и не скажешь — ни грамма тлена, сплошная стать. Красавец, зараза, глаз не отвести.

— По-моему, ты сильно преувеличиваешь, — тихо возразила Алли, вспоминая спокойный, чуть усталый взгляд парня.

— Хотела бы я ошибаться.

Алли опустила глаза в свою почти нетронутую тарелку, рассеянно водя ложкой по краю.

— Он был со мной очень вежлив и деликатен.

— Вот это-то меня и пугает больше всего.

— Может, он просто… хороший человек?

— Может быть, — Мира скептически хмыкнула и сделала большой глоток ягодного компота. — А может, мой сосед Борис и впрямь научит свою разумную плесень сдавать зачёты по высшей алхимии. Жизнь в Кризалисе вообще штука непредсказуемая.

В этот самый момент за соседним длинным столом раздался дружный, раскатистый смех.

Алли невольно повернула голову на звук.

Там вольготно расположилась шумная компания старшекурсников. Некоторые из них выглядели почти как обычные люди, другие же нисколько не утруждали себя тем, чтобы прятать истинную природу — у одного из парней над ушами поблёскивала мелкая чешуя, а у девушки напротив кончики пальцев заканчивались острыми, как бритва, когтями. В самом центре этой разношёрстной компании сидел высокий парень с густыми, длинными тёмными волосами, небрежно собранными на затылке в низкий хвост. Он вальяжно откинулся на резную спинку стула, закинув руку на соседнее кресло, и с ленивым, скучающим видом выслушивал сбивчивую речь своего приятеля.

Весь столик, затаив дыхание, ждал его вердикта.

— Нет, — ровно, почти небрежно произнёс он наконец.

— Лиск, ну послушай… — взмолился собеседник.

— Я, кажется, ясно сказал: нет.

— Но старшие кланов уже обо всём договорились! Свадьба назначена на весну!

— Мои искренние поздравления старшим. Пусть между собой и женятся, раз им так приспичило.

Часть компании за столом сдавленно фыркнула. Кто-то поспешно прикрыл рот ладонью, пряча ухмылку.

Собеседник Лиска густо покраснел, стиснув кулаки на столешнице.

— Ты прекрасно знаешь, что это не шутки.

— Именно поэтому на моём лице ни тени смеха, — холодно отрезал тот.

Алли поспешно отвернулась, чувствуя неловкость от того, что стала невольной свидетельницей чужого разговора.

Но не успела.

Лиск лениво поднял голову, и его тяжёлый, пронизывающий взгляд на долю секунды задержался прямо на ней. Вертикальный, узкий змеиный зрачок, почти неподвижное, высеченное словно из бледного мрамора лицо и тонкий, насмешливый изгиб губ. У Алли по спине пробежал неприятный холодок — возникло гадкое ощущение, будто её за секунду взвесили, оценили как случайную вещь на прилавке и тут же списали со счетов как не представляющую ни малейшего интереса.

Алли совершенно, категорически не хотелось знакомиться с этим человеком.

Он был красив, спору нет — той хищной, опасной красотой, от которой хочется держаться подальше. Но никакая внешность не отменяла скверных манер.

Мира мгновенно перехватила направление её взгляда и многозначительно хмыкнула.

— А вот и второй почётный герой моего чёрного списка.

— Лиск? — тихо переспросила Алли.

— Он самый. Прямой потомок древних змеев. Половину нашего курса он уже довёл до нервного тика. А вторую половину — до страстного желания его придушить.

— И почему же до сих пор не придушили?

— Потому что кожа у него сбрасывается при малейшей опасности, а яд в крови сильнее любого противоядия из нашей алхимической лаборатории, — шёпотом пояснила Мира. — У нас в Академии все хотят жить долго и счастливо. Ну, или хотя бы просто долго.

Тем временем Лиск плавно поднялся из-за стола. Высокий, сухопарый и удивительно гибкий, он двигался с пугающей, гипнотической плавностью, без единого резкого или суетливого жеста. Он чуть наклонился к своему бледному приятелю и негромко обронил пару слов ему на ухо.

Приятель тут же побледнел так, словно увидел перед собой призрака, и поспешно вжался в стул.

— Как думаешь, что он ему такое сказал? — не удержалась от любопытства Алли.

Мира приподнялась на цыпочках на стуле, вытягивая шею и пытаясь уловить обрывки разговора.

— Отсюда не слышу. Но, судя по выражению лица бедняги, пригласил на семейный ужин в гости к своей прабабушке. А она у них, по слухам, имеет дурную привычку пожирать неугодных женихов на десерт.

Алли невольно фыркнула, прикрыв улыбку ладонью.

Лиск направился к высоким двустворчатым дверям выхода. Проходя мимо столика девушек, он вдруг бесшумно, словно тень, замедлил шаг и остановился.

— Неужели в крыле ведьм уже открыли филиал специалистов по чужим семейным делам? — бархатным, чуть насмешливым голосом поинтересовался он, глядя сверху вниз.

Мира даже бровью не повела, ничуть не смутившись.

— Пока набрали только начинающих стажёров. Хочешь записаться на первую бесплатную консультацию?

В уголках его губ мелькнула холодная, лишённая всякого веселья усмешка.

— Боюсь, твою консультацию я просто не переживу.

— Весьма разумный вывод для змея, — парировала Мира.

Лиск неспешно перевёл тяжёлый, немигающий взгляд на Алли.

Девушка мгновенно почувствовала, как ледяным холодом сковало кончики пальцев, а ладони стали влажными.

И дело было вовсе не в его надменной позе — пугала его магия. Она окутывала высокое тело плотным, почти осязаемым, тягучим кольцом. Тёмная, густо-зелёная, как лесная чаща в сумерках, с терпким, горьковатым запахом раздавленной полыни и сырого мха. Такая концентрированная, древняя сила встречалась пугающе редко. Она не выплёскивалась наружу, не искрила и не пыталась демонстративно запугать окружающих. Она просто была. Идеально сдержанная, спящая под тонкой кожей — и оттого ещё более смертоносная.

— А ты, надо полагать, — лениво протянул Лиск, слегка склонив голову набок, — та самая новая ведьма?

— Да, — коротко отозвалась Алли, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Поговаривают, третья категория.

У Алли против воли вспыхнули щёки.

— Удивительно быстро здесь распространяются сплетни.

— Это трудно назвать сплетнями, если добрая половина курса собственными ушами слышала вердикт госпожи Юстины.

— Тогда зачем вообще спрашиваешь, если и так всё знаешь?

Рядом Мира сдавленно прыснула, поспешно прикрыв рот салфеткой.

Лиск медленно, с почти театральной плавностью приподнял одну тёмную бровь.

В ту же секунду Алли сама испугалась собственной внезапной дерзости. Резкие слова вырвались сами собой, без всякой подготовки, а ведь прямо перед ней стоял тот, кого даже бесстрашная Мира предпочитала поддразнивать исключительно с безопасной дистанции.

Но Лиск, вопреки ожиданиям, не рассердился. Вместо этого в уголках его губ мелькнула короткая, хищная усмешка.

— Любопытно.

— Что именно? — насторожилась Алли, вжимаясь спиной в жёсткую спинку стула.

— Ничего особенного. — Его пронзительный взгляд со змеиным зрачком скользнул вниз и на секунду задержался на глухо застёгнутых манжетах её одежды, словно он пытался разглядеть, что скрывается под тканью. — Просто постарайся не заблудиться в замке, «третья категория». В здешних тёмных коридорах водятся вещи куда поопаснее студенческих сплетен.

— Уж постараюсь, — как можно более холодно и ровно ответила Алли, выдерживая его взгляд.

Лиск едва заметно кивнул, развернулся на каблуках и плавно, бесшумно зашагал к выходу из столовой, растворяясь в толпе студентов.

Мира несколько долгих секунд сидела в полном оцепенении, глядя ему вслед.

Потом она медленно, со звоном опустила ложку на край тарелки и повернулась к соседке.

— Ты сейчас… всерьёз огрызнулась самому Лиску. Прямо в лицо.

— Он первый начал хамить, — буркнула Алли, опуская глаза в стол.

— О боги всемогущие, — трагическим шёпотом выдохнула Мира, прижимая ладонь ко лбу. — А я-то думала, мне подселили тихую, безобидную ведьмочку. Да ты же настоящая ходячая катастрофа в скромной бежевой кофте!

Алли снова бросила взгляд на закрывшиеся за Лиском тяжёлые двери. Пальцы под столом всё ещё мелко подрагивали от выброса адреналина.

— Я правда не хотела. Оно само вырвалось.

— А вот это совершенно зря. — Мира тут же хитро улыбнулась, подвигая к ней тарелку с пирожными. — Поверь моему опыту: вышло просто великолепно.

Ближе к вечеру Кайр без труда отыскал их в самом дальнем углу библиотеки.

Он бесшумно возник возле столика, неся в руках три дымящихся керамических стакана с густым горячим шоколадом — даже не потрудившись заранее спросить, хотят ли девушки пить. С грохотом отодвинув свободный дубовый стул, парень опустился на него с таким решительным видом, словно по меньшей мере собирался до последнего вздоха оборонять этот стратегический рубеж от полчища захватчиков.

— Ну, как прошёл самый первый учебный день, ведьмочка? — бодро осведомился он, пододвигая к Алли один из стаканов, от которого вкусно тянуло корицей и ванилью.

— Весьма познавательно, — осторожно отозвалась Алли, грея озябшие за день ладони о тёплые стенки глиняной кружки.

— Это отличный знак. А показательные драки уже успела застать?

— Пока только слышала из соседнего коридора.

— Значит, всё самое интересное ещё впереди.

Мира деловито забрала свой стакан и смерила парня осуждающим взглядом поверх раскрытого фолианта.

— Иди отсюда, вестник апокалипсиса. Человек и без твоих мрачных прогнозов за день натерпелся.

— Скучная ты, Мира, никакого чувства драмы, — беззлобно отмахнулся Кайр и сделал большой глоток шоколада. Он на миг задумался, покрутил стакан в руках и вдруг заметно понизил голос, хотя в этом крыле читального зала, кроме них, не было ни единой живой души:
— Слышали, кстати, свежие новости про печать?

— Про какую ещё печать? — насторожилась Мира, откладывая перо.

— Сегодня днём из закрытого хранилища практических артефактов пропала учебная погребальная печать. Очень старая штука, из личной коллекции рода Нидхара. Сама по себе она для посторонних почти бесполезна, но кто-то явно из кожи вон лез, чтобы её выкрасть.

— Опять начнутся клановые разборки? — Мира с тяжелым вздохом закатила глаза к сводчатому потолку.

— Пока всё ограничивается напряжёнными перешёптываниями в углах. Люди Лиска уверяют, что они тут ни при чём и в глаза её не видели. Люди Нидхара, понятное дело, свято уверены, что змеи нагло врут.

Алли невольно оторвалась от своего стакана и подняла тревожный взгляд.

— И что теперь будет?

— Искренне надеюсь, что воришка одумается и подбросит её обратно, пока старая печать не проснулась и не начала проклинать всех без разбору, — Кайр заметно помрачнел, потирая переносицу. — У меня как раз сегодня ночное дежурство у старых лестниц. Если эти горячие головы соберутся там выяснять отношения на кулаках, придётся вмешиваться.

— А ты разве… можешь вмешиваться в дела старших? — робко уточнила Алли.

Кайр посмотрел на неё с выражением глубочайшего, мастерски сыгранного оскорбления.

— Обижаешь, ведьмочка. Я вообще-то наследник охранной династии. У меня врождённая профессиональная деформация — лезть ровно туда, куда меня не просят.

— И целых три характера в придачу, — с лёгкой улыбкой напомнила Алли.

— Именно так, — мгновенно повеселел он. — Одному из них, к слову сказать, уже давным-давно пора сходить на романтическое свидание. Жаль только, двум остальным категорически не нравится выбранная кандидатура.

Мира в ту же секунду прыснула шоколадом, едва не залив старинный учебник по травологии. Алли тоже не удержалась и звонко, искренне рассмеялась, чувствуя, как остатки дневного напряжения наконец отпускают плечи.

Кайр широко, тепло улыбнулся, довольный произведённым эффектом, но затем снова бросил быстрый, настороженный взгляд на тяжёлые двери зала и заговорил неожиданно тихо и серьёзно:

— Алли, ты только, пожалуйста, не гуляй в одиночку у восточного перехода после отбоя. Там расположен старый архив. Если кто-то ночью снова полезет туда рыться в чужих вещах, мне меньше всего хочется вытаскивать из неприятностей ещё и любопытную первокурсницу.

— Не буду, честное слово, — твёрдо пообещала она.

— Вот и умница.

Он решительно поднялся из-за стола, подхватил свой опустевший стакан и направился к выходу между высокими книжными стеллажами.

У самого порога одна из трёх его теней вдруг резко остановилась и настороженно вытянулась в сторону тёмного бокового коридора, словно чуткий пёс, прислушивающийся к далёкому шороху. Кайр на мгновение нахмурился, проследил за её движением, вглядываясь в полумрак, но затем тряхнул головой и небрежно махнул рукой.

— Всё, девчонки, мне пора на пост. Не засиживайтесь допоздна!

— Пока, Кайр! — крикнула вслед Мира, нарушая библиотечную тишину.

Алли молча, тепло помахала ему рукой.

Глава 3. Разборки на пустом месте

К третьему учебному утру Алли успела усвоить ровно три жизненно важные истины.

Во-первых, если Мира с рассвета висела вниз головой под самым потолком и угрюмо молчала, заводить с ней беседу было абсолютно бесполезно. До первой дымящейся чашки крепкого кофе соседка в принципе отказывалась считать себя частью разумного, способного к коммуникации мира.

Во-вторых, в студенческой столовой завтрак следовало брать исключительно с длинного дубового стола у стрельчатого окна. На соседнем, коротком прилавке подавали специфические блюда по индивидуальным запросам отдельных факультетов, и вчера по рассеянности Алли едва не зачерпнула половником густую похлёбку, в которой весьма бодро плавали чьи-то крупные коренные зубы.

И, наконец, в-третьих: в стенах Кризалиса категорически не стоило лезть с расспросами в чужие родовые дела. На самый невинный и вежливый вопрос вроде «Простите, а почему у вас такой необычный хвост?» можно было с равной вероятностью получить как увлекательную часовую лекцию по сравнительной анатомии, так и официальное приглашение на смертельную дуэль. Предугадать исход не представлялось возможным.

Эти нехитрые правила дарили приятное, обволакивающее ощущение полного контроля над собственной жизнью.

Весьма ложное, как выяснилось уже через десять минут.

Утро началось с неожиданного письма.

Не с обычного пергаментного свитка, а с маленькой, растрёпанной чёрной пичуги, которая стремительной пулей влетела в распахнутое окно столовой, заложила лихой вираж над головами студентов и камнем рухнула прямо в центр глубокой тарелки высокого темноволосого парня.

По столу во все стороны разлетелись белые брызги овсяной каши.

Парень медленно, с пугающим спокойствием опустил серебряную ложку на скатерть.

— Нет, — ровно произнёс он.

Чёрная птица, ничуть не смущённая кашей на перьях, широко развернула крылья. По тёмному оперению мгновенно побежали и зажглись яркие, переливающиеся серебряные буквы.

— ЛИСК АРРАВЕН! — оглушительно, на весь сводчатый зал прокричала пернатая вестница скрипучим, властным голосом пожилой аристократки. — ТВОЁ УПРЯМОЕ МОЛЧАНИЕ НИСКОЛЬКО НЕ ОСВОБОЖДАЕТ ТЕБЯ ОТ СЕМЕЙНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ!

В огромной столовой разом зазвенела тишина. Десятки голов повернулись в сторону стола старшекурсников.

Потом кто-то в дальнем углу не выдержал и сдавленно прыснул.

— У меня есть встречное, весьма конструктивное предложение, — удивительно ровным, бархатным голосом ответил Лиск, даже не повышая тона. — Развернись и лети обратно.

— ТЫ ОБЯЗАН ПРЕДСТАВИТЬ СВОЮ ИЗБРАННИЦУ НА БЛИЖАЙШЕМ СЕМЕЙНОМ СОБРАНИИ!

Сидевшая рядом с Алли Мира замерла с кружкой у самых губ, округлив тёмные глаза.

— О-о-о, — благоговейным шёпотом выдохнула она. — Чувствую, сейчас будет невероятно красиво.

— ВСТРЕЧА НАЗНАЧЕНА РОВНО ЧЕРЕЗ ДЕВЯТЬ ДНЕЙ! ЕСЛИ ТЫ СНОВА ПРИДУМАЕШЬ НЕЛЕПУЮ ОТГОВОРКУ, СОВЕТ РОДА АРРАВЕН ЗАКЛЮЧИТ БРАЧНОЕ СОГЛАШЕНИЕ БЕЗ ТВОЕГО УЧАСТИЯ!

Лиск небрежным, отточенным движением перехватил орущую птицу двумя длинными пальцами за тонкую шею.

— Будь любезна, передай моей драгоценной матушке, что я до глубины души тронут её неустанной заботой.

— С КЕМ ТЫ ВСТРЕЧАЕШЬСЯ, ЛИСК?! — не унималось послание, сдавленно хрипя.

Он лениво разжал пальцы.

Птица с глухим, сочным шлепком снова плюхнулась брюхом в остывающую кашу.

— С собственной выдержкой, — невозмутимо сообщил Лиск на весь зал. — Но, боюсь, мы с ней уже на грани окончательного расставания.

Кто-то за соседним столом расхохотался так громко и заразительно, что от вибрации на пол со звоном рухнул стеклянный кувшин.

Несчастная пернатая депеша отчаянно затрепыхалась в вязкой каше, с трудом вырвалась наружу, выкрикнула напоследок целую тираду отборных непристойных ругательств на каком-то древнем шипящем наречии и с громким хлопком рассыпалась густым клубом сизого дыма.

Лиск несколько долгих секунд молча созерцал безнадёжно испорченный завтрак.

— Брас.

— Да? — мгновенно насторожился сидевший напротив коренастый парень с тонкой серебристой полоской чешуи на скуле.

— Если тебе хоть немного дорога собственная жизнь, ты больше никогда вслух не упомянешь сегодняшний завтрак.

— Я об этом даже думать не смел.

— Вот и славно. Можешь начинать с этого момента и придерживаться курса дальше.

Алли поспешно спрятала невольную улыбку за краем своей чашки.

А вот Мира рядом едва ли не лежала лицом на столешнице, беззвучно сотрясаясь от сдерживаемого хохота.

— Ты только представь себе этот цирк, — задыхаясь, прошептала она на ухо Алли. — Его собственная семейка мёртвой хваткой вцепилась в него с выгодной невестой. А он уже второй год подряд упрямо доказывает всем вокруг, что женить его можно исключительно посмертно. Вот тут, пожалуй, я с ним почти солидарна.

Алли снова бросила быстрый взгляд на Лиска.

Со стороны он вовсе не выглядел смешным. Скорее — по-настоящему, холодно злым. Без привычной ленивой, язвительной усмешки на бледном лице. Резким движением он поднялся из-за стола, небрежно бросил на скатерть несколько серебряных монет за завтрак и быстрым, хищным шагом вышел из зала, даже не удостоив взглядом любопытных зевак.

— А кто вообще у него невеста? — негромко спросила Алли, провожая его глазами.

— Какая-то высокородная змея из дружественной древней династии. Поговаривают, редкая красавица, сказочно богата и ядовита до полного неприличия. Впрочем, в их кругах это считается высшим комплиментом. Если эти двое поженятся, кланы объединят две огромные семейные территории.

— То есть ни о какой любви там и речи не идёт.

— Для старших советов, кажется, «любовь» — это вообще слово неприличное и ругательное, — философски заметила Мира, откусывая кусок сдобной булочки. — А ты чего вдруг так заинтересовалась его личной жизнью?

— Просто… на секунду он выглядел ужасно несчастным.

— Лиск? — соседка удивлённо моргнула, чуть не поперхнувшись. — Да брось, он выглядел так, словно прямо сейчас пойдёт и кого-нибудь придушит в тёмном углу. Это вообще его обычное, повседневное выражение лица.

Алли хотела было возразить, но вовремя прикусила язык и промолчала.

Она слишком хорошо знала, каково это — когда окружающие заранее, без твоего ведома решают, кем тебе быть и как прожить свою жизнь. И отчего-то на одно короткое мгновение ей стало по-настоящему жаль этого холодного, неприятного парня в чёрной рубашке.

Впрочем, совсем ненадолго.

После сытного обеда у Алли стояла по расписанию практическая лабораторная работа по основам магической защиты.

Работать полагалось в парах. Её без лишних споров назначили к Мире, к огромному, нескрываемому облегчению обеих.

Задание на первый взгляд казалось до смешного простым: требовалось вызвать и удержать прямо над открытой ладонью лёгкую защитную плёнку. Элементарное, базовое заклинание, которое большинство первокурсников щёлкали как орешки. Оно вовсе не требовало колоссальных запасов энергии — лишь тонкого чутья и правильного распределения потока.

Мира справилась ровно за две минуты.

— Смотри, проще пареной репы, — гордо объявила она, поднимая раскрытую ладонь. Прямо над бледной кожей замерцал полупрозрачный, переливающийся голубоватый купол размером с чайное блюдце. — Ничего сложного. Просто представь, что держишь в горсти чистую воду и изо всех сил не даёшь ей пролиться сквозь пальцы.

Алли глубоко вздохнула и попыталась повторить.

Кончики пальцев неприятно похолодели, словно их опустили в талый снег. Воздух над ладонью едва заметно дрогнул, исказив очертания стола.

Но никакой защитной плёнки так и не появилось.

— Ну же, попробуй ещё раз. Только не дави на поток так сильно, отпусти его, — мягко посоветовала Мира, развеивая свой купол.

Алли стиснула губы и попробовала снова.

В ту же секунду вышитая лента под плотным рукавом на запястье предательски потеплела, пуская по коже тревожный, колючий импульс.

Девушка немедленно, как ошпаренная, оборвала плетение и сжала пальцы в кулак.

— Не получается. Совсем.

— Подумаешь, велика беда! — беззаботно отмахнулась Мира. — У меня тоже в первый месяц обучения вообще ничего путного не выходило.

— Но ты же сама говорила, что до поступления в Академию занималась магией целых семь лет.

— И что с того? Я была непроходимо тупой все эти семь лет, а потом в один прекрасный день взяла и резко поумнела. Всякое бывает.

Соседка произнесла эту последнюю фразу с таким непроницаемым, трагически серьёзным лицом, что Алли не выдержала и тихо рассмеялась.

В этот момент к их столу неспешно подошёл преподаватель — сухопарый пожилой мужчина с изрезанным глубокими морщинами лицом и совершенно белыми, словно выцветшими ресницами. Он молча смерил взглядом пустую, напряжённую ладонь Алли.

— Студентка Вей. Не бойтесь выпустить силу наружу.

Алли до боли стиснула зубы, стараясь держать лицо.

— Я вовсе не боюсь.

— Боитесь. Это видно невооружённым глазом. Если вы будете так судорожно пережимать собственный канал, вы никогда ничему не научитесь. У любой магии есть своё естественное, живое течение — ему необходимо позволять свободно происходить.

Алли прекрасно это знала.

Именно этого неуправляемого течения она и боялась до дрожи в коленях.

— Я обязательно потренируюсь вечером в комнате, — глухо пообещала она, опуская глаза.

Преподаватель тяжело вздохнул, сделал какую-то пометку на полях своего планшета и молча перешёл к следующей паре студентов.

Едва он отошёл, Мира осуждающе нахмурила рыжие брови.

— Слушай, ты вовсе не обязана доказывать ему свою профпригодность ценой собственного здоровья.

Алли медленно убрала руку под стол, пряча её в складках юбки.

— Настолько заметно?

— Ты белая как мел. И дышишь так, будто пытаешься украдкой проглотить воздух. Что вообще происходит с твоей магией, Алли? Не хочешь рассказывать — не надо, я в душу не лезу. Но если тебе действительно плохо, лучше прямо сейчас сходить к лекарю.

— Всё в порядке. Это просто сильное переутомление.

Мира внимательно, испытующе заглянула ей в глаза.

— Ладно. Пускай пока это будет «просто переутомлением».

Это многозначительное «пока» неприятно, словно тонкой иглой, кольнуло куда-то под сердце.

Алли открыла было рот, чтобы возразить, но в этот самый миг в дальнем коридоре за высокими окнами лаборатории поднялся оглушительный шум.

Сначала раздался резкий, яростный крик, затем дробный топот десятков ног, а следом — глухой, тяжёлый удар, от которого мелко зазвенели стеклянные колбы на полках.

Преподаватель мгновенно выпрямился у доски.

— Всем оставаться на своих рабочих местах!

Разумеется, на месте не остался ровным счётом никто.

Вся аудитория дружной гурьбой бросилась к широким стрельчатым окнам, выходившим во внутренний дворик.

Там, прямо на зелёном газоне напротив окон лаборатории, уже успела собраться внушительная, гудящая толпа зевак. А в самом центре образовавшегося круга лицом к лицу стояли двое: Лиск и Нидхар.

Даже отсюда, сквозь толстое стекло и расстояние в два этажа, Алли кожей почувствовала пугающую разницу между их силами. Вокруг стройной фигуры Лиска воздух буквально дрожал и преломлялся от плотной, обжигающе холодной змеиной мощи. Вокруг же спокойного Нидхара, напротив, словно сгущалась тяжёлая, древняя, сухая тишина забытых гробниц. Два абсолютно полярных, несовместимых мира, которые по непонятной, роковой прихоти решили столкнуться именно здесь.

— Я повторю в самый последний раз, — произнёс Лиск обманчиво негромко, но его ледяной, звенящий голос каким-то образом отчётливо долетел до самого второго этажа. — Забери отсюда своих безмозглых идиотов и займись наконец их воспитанием.

Нидхар стоял поразительно спокойно, даже расслабленно, заложив руки за спину.

— А я, в свою очередь, повторю: никто из моих людей не брал твою вещь.

— Чужое, значит?! — яростно огрызнулся коренастый Брас, стоявший по правую руку от Лиска и сжимавший кулаки. — Погребальная печать лежала прямо в нашем закрытом отсеке!

— Отсек вообще-то общий, — звонко, с вызовом заметила стоявшая рядом с Нидхаром девушка с длинными, влажными прядями цвета речной тины в волосах. Вокруг её тонких запястий, словно живые браслеты, обвивались нежные водяные побеги. — Не стоит воображать, будто всё, до чего случайно дотянулся твой чешуйчатый хвост, автоматически принадлежит твоему роду.

— Яра, — тихо, но с такой сталью в голосе произнёс Нидхар, что слово прозвучало как удар хлыста.

Мавка мгновенно осеклась и упрямо сжала губы.

Лиск с ленивой издёвкой скрестил руки на груди.

— Как бесконечно трогательно. Ты теперь решил воспитывать своих подчинённых прямо на публике?

— Когда-нибудь, на досуге, я и тебе попробую помочь, — ровным тоном парировал Нидхар. — Хотя, боюсь, в твоём случае болезнь слишком запущена.

Толпа вокруг радостно, предвкушающе загудела.

Стоявшая рядом у окна Мира тяжело вздохнула и закатила глаза.

— Ну вот, опять двадцать пять. Стоит кому-то из них случайно уронить ложку в столовой — они уже готовы выходить в двор и выяснять, кто именно смертельно оскорбил древний род.

— Они всегда так друг на друга реагируют? — тихо спросила Алли, не отрывая взгляда от двоих внизу.

— Последние два семестра — стабильно. На самом деле раньше Лиск с Нидхаром вообще почти не пересекались, жили каждый в своём мире. А потом деканат назначил их старшими над соседними практическими группами — и понеслось. Оба до чёртиков умные, оба с пелёнок привыкли командовать. И ни один, разумеется, не умеет отступать, когда вокруг столько зрителей.

Алли внимательно вгляделась в лицо Нидхара.

Тот по-прежнему говорил негромко, не делая ни единого резкого жеста, и выглядел абсолютно, пугающе невозмутимым.

— Но он же даже не кричит и не ссорится…

— В том-то и вся соль, — покачала головой Мира. — Он мастерски делает так, что у всех остальных вокруг от бессильной злости начинают трястись руки. Это у него особый, врождённый талант.

В этот момент внизу, расталкивая плечами замерших студентов, в центр круга решительно протиснулся Кайр.

— Так, всё, расходимся! — громогласно объявил он на весь двор, уперев руки в бока. — Бесплатное представление окончено. Кому остро не хватило острых ощущений и зрелищ, милости просим в манеж к гладиаторам. У них как раз сегодня показательная тренировка, там хотя бы медицинская страховка действует!

Лиск медленно, с ледяным прищуром повернул к нему голову.

— Не вмешивайся, Кайр. Это не твоё дело.

— Слушай, змей, я здесь исключительно по долгу службы. Не мне же потом по крупицам собирать остатки газона, который вы тут сгоряча проклянёте. А между прочим, только вчера садовники высадили свежую траву. За счёт бюджета Академии.

— Именно по этой веской причине я и храню молчание, — невозмутимо отозвался Нидхар.

Кайр перевёл взгляд на него.

— А ты вообще молодец, образцовый студент. Особенно по части задушевных бесед с покойниками. Но будь добр, оставь эту увлекательную деятельность для профильных занятий. Хотя бы до обеда, ладно?

Нидхар слегка приподнял одну тёмную бровь.

И вдруг улыбнулся.

Улыбка вышла настолько холодной, острой и лишённой всякого тепла, что даже преданная Яра рядом с ним невольно, инстинктивно шагнула в сторону.

— Как скажешь, Кайр.

Обе компании, обменявшись напоследок тяжёлыми, многообещающими взглядами, нехотя развернулись и разошлись в разные стороны.

Толпа зевак заметно приуныла, явно разочарованная тем, что грандиозной драки так и не случилось.

Преподаватель у окна с громким стуком захлопнул створку, отсекая уличный гул.

— Всё, юные любители чужих неприятностей, шоу закрыто. Возвращаемся за рабочие столы. На итоговом экзамене вам придётся защищаться самостоятельно, а не глазеть, как старшекурсники подают дурной пример.

Алли покорно вернулась на своё место рядом с Мирой.

Её собственные ладони под столом всё ещё мелко, предательски дрожали.

Впрочем, вовсе не от страха перед грозным Лиском или ледяным Нидхаром.

Когда эти двое стояли внизу так близко друг к другу, их чудовищные, полярные силы начали болезненно, пугающе откликаться у неё где-то глубоко под рёбрами. Одна магия властно звала к себе обжигающим холодом, другая — притягивала сухим, древним пеплом. Алли приходилось тратить последние остатки сил, чтобы почти физически, намертво удерживать себя от невольного ответа.

Что же случится с ней самой, если эти двое однажды действительно сойдутся в настоящем бою?

Она искренне надеялась, что ей никогда не придётся этого узнать.

На следующий день её робкая надежда, увы, не оправдалась.

Занятия закончились непривычно рано: госпожу Юстину срочно вызвали в деканат, и первокурсников отпустили пораньше, задав лишь короткую самостоятельную работу. Мира тут же упорхнула к знакомому травнику в оранжерею, который пообещал научить её выращивать редкие ночные цветы. Алли очень хотела пойти за компанию, но голова тяжело гудела после утренней лаборатории, к тому же в комнате оставалась забытая тетрадь с конспектами.

Она решила ненадолго вернуться в северное крыло.

Выбери она широкую главную лестницу — всё, вероятно, сложилось бы совершенно иначе.

Но у самого пролёта бригада ремонтников возилась с треснувшим зачарованным зеркалом, и угрюмый рабочий гном сердито, размахивая молотком, велел всем студентам идти в обход — через длинную восточную галерею.

Алли послушно свернула в сторону.

В галерее оказалось гулко и совершенно пусто.

Послеполуденное солнце щедро заливало высокие стрельчатые окна, косыми золотистыми полосами ложась на отполированный каменный пол. В простенках между цветными витражами висели потемневшие от времени портреты бывших ректоров. Один из них — суровый, костлявый мужчина в старомодном зелёном камзоле — не мигая, пристально следил за проходящей девушкой тяжёлыми нарисованными глазами.

Алли невольно ускорила шаг, стараясь поскорее миновать этот неприятный взгляд.

Длинные тени от оконных переплётов ритмично пересекали каменные плиты под ногами. Сразу за крутым поворотом начиналась винтовая лестница, ведущая в библиотеку, а чуть в стороне темнел низкий арочный переход к закрытому восточному крылу. Ровно туда, куда Кайр настоятельно просил её не соваться.

Она туда и не собиралась.

Но стоило ей поравняться с аркой перехода, как из-за угла донеслись напряжённые, злые голоса.

— Ещё хоть раз назовёшь меня вором при свидетелях — горько пожалеешь.

Голос был низким, ровным и до боли знакомым.

Нидхар.

— А кем же ещё я должен тебя называть? — лениво, с ледяной издёвкой отозвался Лиск. — Благородным собирателем чужих фамильных печатей?

— Я не обязан оправдываться в том, чего не совершал.

— В таком случае просто верни то, что украли твои люди.

Алли резко замерла на месте, вжавшись в тень колонны.

Прямо впереди, посреди узкой каменной площадки перед переходом, снова стояли лицом к лицу две враждующие компании.

Только на этот раз поблизости не было рассудительного Кайра.

Не было строгих преподавателей.

И не было десятков случайных свидетелей, способных остудить пыл.

Слева сгрудились Лиск, коренастый Брас и ещё двое мрачных студентов в глухих чёрных куртках. Справа стояли Нидхар, настороженная Яра и худой, как щепка, молодой человек с абсолютно белыми волосами, у которого под тонкой кожей на висках пугающе просвечивали странные чёрные знаки.

Шесть разъярённых магов. Узкий каменный мешок коридора. И всего два выхода, один из которых оказался наглухо перекрыт за их спинами.

Алли бесшумно прислонилась спиной к холодной стене.

Она вполне могла бы тихонько, на цыпочках попятиться назад.

Если бы одна из девушек не заметила её первой.

— Эй! — звонко воскликнула Яра, вскидывая руку. — А ты куда крадёшься?!

В ту же секунду все шестеро синхронно обернулись в её сторону.

Алли похолодела, чувствуя, как сердце пропустило удар.

— Я… я просто прохожу мимо.

Лиск скользнул по ней тяжёлым, раздражённым взглядом и недовольно поморщился.

— Уходи отсюда, ведьма. Живо.

Тон его прозвучал откровенно неприятно, но сам совет был на редкость разумным.

Алли уже успела сделать спасительный шаг назад, когда коренастый Брас вдруг резко развернулся и с кривой ухмылкой бросил:

— Погодите-ка, а может, сперва спросим у неё? Она ведь тоже ходит в ту лабораторию. Вполне могла видеть, кто именно утащил печать.

— Я ничего не видела, честное слово, — поспешно, сбивчиво проговорила Алли, отступая ещё на полшага.

— Ты ещё даже не дослушала мой вопрос до конца.

— Брас, заткнись и отойди, — негромко, но с явной угрозой процедил Лиск.

Но было уже слишком поздно.

Парень тяжело шагнул прямо к Алли и протянул широкую ладонь, явно намереваясь грубо ухватить её за плечо и удержать на месте.

Девушка отпрянула слишком резко, в панике.

Каблук её туфли предательски зацепился за глубокий стык между каменными плитами. Алли качнулась, взмахнула руками и едва не рухнула навзничь.

— Не трогайте меня! — отчаянно, сорвавшимся голосом вырвалось у неё.

Брас замер на полушаге, растерянно моргнув.

— Да я только хотел…

— Она, по-моему, предельно ясно сказала, — раздался ледяной, звенящий голос Нидхара. — Руки убери. Не трогай её.

Брас медленно обернулся через плечо, багровея от злости.

— Это ты мне тут указывать вздумал?!

— Если потребуется — укажу.

— А ты попробуй подойди сам, покойник!

Нидхар медленно поднял голову.

Воздух вокруг его спокойного лица мгновенно помутнел, словно над раскалённым песком. На смуглой коже шеи стремительно проявились новые, сложные знаки — будто густые чёрные чернила проступали изнутри прямо сквозь поры. Льняной бинт на его левом запястье зловеще шевельнулся, словно под ним заворочалось что-то живое.

Алли кожей почувствовала самый первый, беззвучный удар магии ещё за мгновение до того, как его осознали остальные.

Ледяной, мёртвый, иссушающий.

Внизу живота болезненно, судорожно сжалось.

Лиск тоже мгновенно уловил это опасное движение воздуха.

— Нидхар, — глухо предупредил он, напрягаясь всем телом.

— Забери своего цепного пса.

— Я именно этим и занимаюсь. Брас, назад, я сказал!

Но Брас был уже слишком ослеплён яростью, чтобы слышать приказы.

С глухим рычанием он резко взмахнул рукой.

В сторону Нидхара со свистом метнулась тонкая, шипящая зелёная плеть концентрированного яда.

Яра испуганно вскрикнула, вскидывая руки.

Сам Нидхар даже не шелохнулся. Тонкие пальцы его правой руки стремительно сомкнулись в щепоть, и навстречу ядовитой змее с пола взметнулось густое облако тёмной, кружащейся погребальной пыли. Две чудовищные, несовместимые силы с оглушительным треском столкнулись прямо посреди узкого коридора.

Массивные каменные плиты под ногами ощутимо дрогнули.

Цветное стекло в высоких витражных окнах жалобно, пронзительно зазвенело.

Алли в ужасе вжалась спиной в холодную стену.

«Беги. Уходи немедленно», — отчаянно приказала она себе.

Но ближайший спасительный выход теперь оказался наглухо отрезан за спиной Яры. А второй путь к отступлению перекрыл разъярённый Брас, который уже замахивался для нового, ещё более смертоносного удара.

Чужая дикая сила расползалась по тесному коридору, жадно цепляясь за каменные стены и сводчатый потолок. От шипящего яда в воздухе стоял острый, удушливый горький запах, от которого першило в горле. Погребальная же магия тянула за собой удушливый дух сухого пустынного песка, тлена и веками запертых, пыльных склепов.

Алли кожей чувствовала обе стихии.

Слишком ясно. Слишком близко.

Обе требовали выхода, жаждали движения. Обе хищно рыскали по коридору, ища, во что бы вонзиться.

Она судорожно вцепилась пальцами в манжету, сжимая вышитую ленту под тканью до боли в суставах.

Не отвечать.

Не впускать.

Не позволять.

— Я сказал, хватит! — громовым раскатом рявкнул Лиск.

Он с размаху ударил открытой ладонью по каменной стене — и прямо посреди коридора, разделяя враждующие стороны, с гулким звоном развернулась тяжёлая полупрозрачная стена из плотной зелёной магии.

Шипящий яд расплескался по ней едким изумрудным огнём.

Тёмная погребальная пыль глухо ударила с противоположной стороны, осыпаясь серым песком.

Казалось бы, на этом безумие и должно было закончиться.

Но Брас, окончательно потерявший голову от ярости и не умевший вовремя остановиться, наотмашь метнул ещё одно заклинание. На этот раз не в Нидхара — в Яру, которая стояла ближе всех к линии огня.

Мавка резко взмахнула руками. Из-под каменных плит пола с треском прорвались толстые, скользкие мокрые корни, пытаясь принять удар на себя.

Лиск стремительно развернулся, пытаясь в прыжке перехватить летящее заклинание.

Нидхар сделал резкий шаг вперёд, вскидывая забинтованную руку.

И ровно в эту долю секунды защитный барьер Лиска не выдержал чудовищного давления — и с хрустом треснул.

Острые, звенящие осколки магической стены градом разлетелись по узкому проходу. Смертоносный зелёный яд и удушливая погребальная пыль, наконец встретившись на свободе, сплелись и закрутились в яростный, острый смерч.

Алли оказалась ровно на его пути.

Она осознала это с пугающей, ледяной отчётливостью.

У неё не оставалось ни доли секунды, чтобы отскочить в сторону, ни крупицы собственных сил, чтобы поставить хоть какой-нибудь щит.

И уж тем более — не было права впускать в себя такое чудовищное количество дикой, чужой энергии.

И всё-таки её рука поднялась сама по себе.

Не выверенное заклинание. Не осмысленный магический жест.

Обыкновенное, отчаянное человеческое желание: «Нет».

Шипящий зелёный огонь замер в воздухе, словно наткнувшись на невидимую преграду.

Клубящаяся тёмная пыль застыла следом, зависнув в паре локтей от её лица.

Алли почувствовала, как под тонкой кожей разом, с болезненным щелчком раскрылись тысячи невидимых, тончайших нитей. Они бережно коснулись обеих замерших стихий, безошибочно узнали их природу — и жадно потянулись навстречу.

Она не могла позволить себе этого.

Просто не могла.

Но голодная магия уже нашла дорогу внутрь.

Обжигающая, горькая зелень яда огнём плеснула прямо в кровь.

Сухой, могильный холод погребальной пыли ледяной иглой ударил в позвоночник.

Весь окружающий мир на одно мучительное, бесконечное мгновение стал ясным и чётким до невыносимости. Каждая мельчайшая трещинка в старом камне, каждая складка чужой одежды, каждый судорожный вдох замерших вокруг людей — всё вдруг обрело пугающе острые, режущие края.

На левом запястье, прямо под плотной тканью манжеты, ослепительно вспыхнула серебряная звёздочка.

Ровно семь тонких, резких лучей.

Алли до боли зажмурилась.

Обе силы исчезли.

Не столкнулись со взрывом, не разлетелись искрами, не погасли.

Просто в одно мгновение перестали существовать в этом коридоре.

И над галереей повисла гробовая тишина.

Алли сквозь звон в ушах расслышала, как кто-то за спинами сдавленно, потрясённо выругался.

Её собственные колени предательски подломились.

— Твою же… — глухо выдохнул Лиск.

Он оказался рядом за долю секунды, прежде чем она успела рухнуть на каменные плиты.

Стремительно подхватил за талию, отступил на пару шагов назад к стене, инстинктивно прикрывая её собственным телом от остальных. Его прикосновение оказалось неожиданно прохладным, словно речной камень в тени. От этого прохладного контакта внутренняя боль не исчезла, но на секунду перестала разрастаться.

Алли с трудом разлепила тяжёлые веки и подняла взгляд.

И увидела, что Лиск пристально смотрит вовсе не ей в лицо, а на её руку.

Точнее, на сбившуюся манжету, из-под которой сквозь ткань всё ещё просвечивали семь тонких, гаснущих серебряных лучей.

Его лицо на глазах неуловимо изменилось.

С него мгновенно сошла привычная злая гримаса.

Исчезла ленивая, надменная насмешка.

Вместо них в глазах со змеиным зрачком появилось такое острое, пристальное, хищное внимание, что Алли испугалась куда сильнее, чем во время самой драки.

— Что ты сейчас сделала? — тихо, почти шёпотом спросил он.

— Н-ничего… — едва слышно выдохнула она.

Лиск медленно перевёл тяжёлый, пронизывающий взгляд на её побледневшее лицо.

— Не ври мне.

В ту же секунду из носа Алли тонкой струйкой потекла тёмная кровь.

Она почувствовала солоноватое тепло на губах и неловко попыталась вытереться свободным рукавом.

Лиск мгновенно перехватил её раненое запястье — на удивление осторожно, без грубости, но стальной хваткой. Коротко, цепко взглянул на серебристую линию, пульсирующую под кожей. А затем резким, быстрым движением натянул манжету обратно, наглухо скрывая знак от чужих глаз.

— Все назад, — негромко, но с таким металлическим лязгом в голосе произнёс он, что спорить не решился никто.

Никто не двинулся с места, ошарашенно глядя на них.

— Вы там что, все разом оглохли?! НАЗАД, Я СКАЗАЛ!

Коренастый Брас попятился первым, натыкаясь спиной на стену.

Нидхар же, напротив, сделал спокойный шаг ближе, с тревогой вглядываясь в лицо девушки.

— Ей немедленно нужен целитель.

— Без твоих ценных указаний догадаюсь, — огрызнулся Лиск, не сводя глаз с Алли.

— Лиск…

— Ещё один шаг — и ты сам отправишься искать себе целителя.

Алли почти не разбирала их перепалку.

В голове стоял густой, тяжёлый гул. Картинка перед глазами расплывалась и дробилась на несколько одинаковых, мутных контуров, смещённых друг относительно друга. Сердце в груди срывалось с ритма, колотясь о рёбра пойманной птицей. Под прохладными пальцами Лиска её запястье мелко, неудержимо дрожало.

— Я сама… — едва слышно прошептала она и попыталась выпрямиться, высвобождаясь из его рук.

Мир вокруг снова предательски качнулся и поплыл в сторону.

— Ну разумеется, сама. Сейчас ещё и коридор за нами подметёшь, — с горькой усмешкой бросил Лиск, подхватывая её крепче, чтобы не дать упасть. — Стой спокойно, не дёргайся.

— Отпусти…

Он в ту же секунду ослабил хватку, но ни на шаг не отступил.

— Если я сейчас отпущу тебя совсем, ты приложишься затылком об этот камень. Можешь для начала хотя бы сесть?

Она слабо, обречённо кивнула.

Лиск бережно помог ей дойти и опуститься на широкую каменную скамью под стрельчатым окном, после чего отступил на полшага назад, давая ей воздуха. Но его узкие, проницательные глаза больше ни на секунду не отрывались от её лица.

Нидхар неслышно подошёл и присел перед скамьёй на корточки, соблюдая уважительную дистанцию и не пытаясь прикоснуться.

— Алли, — удивительно спокойно и ровно произнёс он. — Посмотрите на меня. Вы меня слышите?

— Да… — выдохнула она.

— Хорошо. Просто дышите медленно и глубоко. Вам сейчас не нужно ничего делать. Совсем ничего.

Девушка через силу попыталась слабо улыбнуться, несмотря на слёзы в глазах.

— Пожалуй, это самый лучший совет за весь сегодняшний день.

Нидхар на долю секунды смягчился, в уголках его тёмных глаз мелькнуло искреннее сочувствие.

— Возможно, даже за весь первый семестр.

Стоявший рядом Лиск издал глухой, сдавленный звук, подозрительно похожий на раздражённое рычание.

Алли обессиленно прикрыла веки, откидываясь затылком на холодный камень стены.

— Пожалуйста, не ссорьтесь. Мне и без того ужасно плохо.

Мёртвая тишина в коридоре настала немедленно.

И в этой звенящей, плотной тишине Алли впервые со всей ужасающей отчётливостью осознала: Лиск всё увидел.

Не просто странный исход стычки с заклинаниями.

Он видел её оголённую руку.

Семь серебряных лучей.

Ту самую тайну, которую она прятала от всего мира всю свою жизнь.

Остальные зеваки вполне могли списать случившееся на внезапный, редкий сбой защитного поля старого замка. Нидхар, вероятнее всего, решил, что она просто по несчастной случайности оказалась в самом эпицентре столкновения и приняла на себя отражённый удар.

Но Лиск… Лиск всё ещё смотрел на неё сверху вниз так, словно наконец-то вспомнил одно древнее, забытое слово, которое очень давно искал.

И она до смерти боялась спросить, какое именно.

Спустя десять томительных минут в полупустую галерею поспешно поднялся дежурный академский целитель с тяжёлым кожаным саквояжем в руке.

Лиск шагнул ему навстречу у самой лестницы и заговорил первым, перекрывая остальным возможность вставить слово:

— Два несовместимых боевых заклинания столкнулись в шаге от первокурсницы. Она попала под остаточный откат — у неё слабый ведьмовской дар, третья категория, ничего особенного. Проверь ей сердце и сосуды.

Целитель остановился, сдвинул очки на кончик носа и недовольно смерил старшекурсника взглядом.

— Я, кажется, ещё сам способен ставить диагнозы студентам, молодой человек.

— Тогда не трать время и начни, — отрезал Лиск.

— Лиск, сбавь тон, — негромко предостерёг Нидхар, стоявший чуть поодаль.

— А ты бы лучше занялся своим несдержанным воспитанником, — огрызнулся тот, не оборачиваясь. — Разве не из-за вас двоих здесь вообще устроили этот балаган?

— Исключительно из-за твоего человека.

— Значит, воспитывать будем обоих. По очереди.

Сама Алли всё это время почти не проронила ни слова.

Она сидела на каменной скамье, глухо закутавшись в тяжёлый, пахнущий сухими травами и старым пергаментом плащ — Нидхар молча и деликатно положил его рядом на сиденье, едва заметил, как её бьёт крупная нервная дрожь. Девушка послушно позволила целителю

измерить пульс обычными, тёплыми человеческими пальцами. Пожилой лекарь не стал прибегать к диагностической магии без её прямого разрешения, за что Алли была ему безмерно, до слёз благодарна.

— Пульс слишком частый, неровный. Недавнее носовое кровотечение. Налицо острое магическое перенапряжение, — сухо заключил мужчина, убирая карманные часы. — На сегодня — никаких занятий и волнений. И минимум два дня полного покоя без малейшей практики.

— Могу я уже пойти в свою комнату? — тихо спросила Алли, кутаясь глубже в складки плаща.

— Только в сопровождении. В таком состоянии повторный обморок более чем вероятен.

— Я провожу, — в один голос, словно сговорившись, произнесли Лиск и Нидхар.

Над галереей повисла неловкая пауза. Оба замолчали, бросив друг на друга короткие, тяжёлые взгляды.

Целитель выразительно приподнял седые брови, переводя взгляд с одного на другого.

— Это у нас что, какая-то новая форма межфакультетского соревнования?

— Я провожу её до северного крыла, — ровно повторил Нидхар, принципиально не глядя в сторону соперника. — Алли хотя бы знает меня.

— Ты теперь у нас подрабатываешь караульным? — с ледяной издёвкой поинтересовался Лиск. — Ступай лучше поищи Кайра, пусть наконец займётся тем, ради чего ему выдали нагрудный жетон. А мне нужно задать этой ведьме пару вопросов по поводу сегодняшнего происшествия.

— Ей сейчас не нужны допросы. Ей нужен тихий покой.

— Ты удивишься, насколько полезным иногда бывает и то, и другое.

Алли с трудом подняла потяжелевшую голову, чувствуя, что ещё минута — и спор вспыхнет с новой силой.

— Я пойду с Лиском, — тихо, но твёрдо произнесла она.

Нидхар резко повернулся к ней.

В глубине его тёмных глаз на долю секунды мелькнуло неподдельное удивление, граничащее с глухой обидой. Но он тут же взял себя в руки и мастерски спрятал эмоции за привычной спокойной, вежливой улыбкой.

— Как скажете, Алли. Но, пожалуйста, если вам станет хоть немного хуже, немедленно обратитесь в лазарет к целителям. Не пытайтесь терпеть до утра.

— Спасибо вам. И за плащ тоже. — Она аккуратно сняла чужую накидку и протянула ему, стараясь не коснуться пальцев.

Нидхар коротко наклонил голову, принял плащ и неспешным, сдержанным шагом направился к выходу из галереи.

Алли терпеливо дождалась, пока целитель соберёт свои склянки, защёлкнет саквояж и спустится по лестнице. И только когда в коридоре стихли последние шаги, она медленно подняла взгляд на Лиска.

Тот стоял возле высокого стрельчатого окна, небрежно прислонившись плечом к холодному каменному откосу. Издалека могло показаться, будто он просто лениво скучает, разглядывая серые облака за стеклом.

Но его глаза со змеиными зрачками оставались абсолютно, пугающе неподвижными.

Он ждал, когда они останутся наедине.

И Алли была почти уверена, что предстоящий разговор ей категорически не понравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.